

УДК 304.5 304.9+111.83

Роль иллюзии в революционном действии

Савельева Александра Борисовна

Аспирант,
ассистент кафедры социальной философии,
Казанский Федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается феномен иллюзии и его роль в революционной практике. Революционное действие на всех этапах от замысла до реализации имеет в своей основе идеи, которые могут вдохновлять участников, но некоторая часть этих идей обязательно иллюзорна, поскольку включает в себя мечты о «светлом будущем», представления об идеальных результатах революции. Автор статьи полагает, что иллюзия является одним из неотъемлемых факторов развития человеческой истории. Это положение обосновывается на материале анализа мировоззренческого комплекса идеи христианского Бога, содержащего в себе значимую иллюзорную компоненту. Показано, что эта иллюзорная компонента имела практическое революционизирующее значение для всей истории развития западноевропейской цивилизации и культуры: человек под знаком веры создавал прекрасные произведения искусства, делал научные открытия, формировал новое отношение к труду. В статье раскрывается положительная и отрицательная стороны влияния иллюзии на жизнь человека и общества. Онтологический статус иллюзии в социальной динамике представлен в статье как идея необходимости избыточности человеческого целеполагания. Эстетическая природа иллюзии мыслится автором как источник ее метафизической притягательности для действующих лиц истории. Раскрывается роль иллюзии в революционном движении: иллюзия видится автором в качестве гаранта сохранения итогов революции в условиях неизбежности ее частичного попятного движения.

Для цитирования в научных исследованиях

Савельева А.Б. Роль иллюзии в революционном действии// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 2А. С. 40-47.

Ключевые слова

Иллюзия, Ницше, Блох, Бог, революция, Альтюссер.

Введение

Исследование феномена революции в современном социально-философском дискурсе не представляется а-приори актуальным в наше время. Однако суть революции как раз в том и заключается, что она наступает неожиданно, буквально наступает на старый мир, казавшийся привычным и незыблемым, и осуществляет прорыв к новому миру, новому человеку, новой социальной реальности. Можно бесконечно спорить о том, насколько оптимален революционный путь (способ) развития общества, однако, вот что бесспорно: революции происходят, это важное историческое (а иногда даже над-историческое) событие, осуществляющееся не само собой, а, как и вся человеческая история, лишь в деятельности преследующего свои цели человека. В этой связи необходимо знать, насколько цели этой деятельности реалистичны, в какой степени они иллюзорны, и – самое главное для данного исследования – какую роль играет в революционном действии такое странное, неоднозначное явление, как иллюзия. В обыденном представлении иллюзия – заблуждение, помеха конструктивному действию, разбитые иллюзии свидетельствуют о горечи поражения. Возможно ли, чтобы роль иллюзии в историческом действии виделась как-то иначе?

Для ответа на поставленный вопрос вернемся к эпиграфу данного текста. Обращение к строкам Ф. Ницше не случайно, ведь, если вдуматься, весь ход революции можно описать при помощи данных двух категорий – «действие» и «иллюзия». Поль Валери писал: «Общество живет иллюзиями. Всякое общество есть своего рода коллективная греза. Иллюзии эти делаются опасными..., когда они перестают производить иллюзию. Пробуждение от этого рода грезы становится кошмаром» [Валери, 1976, 599] Но что заставляет человека действовать под знаком иллюзии? Почему люди вновь и вновь невольно стремятся оказаться в некоем поле, которое будет уводить от всего того, что принято считать реальным/реалистическим? Конечно, вопрос об иллюзиях может быть сопряжен с вопросами об истине, а именно: как так получается, что, стремясь обрести истину, мы можем невольно создать иллюзию, которую можем принять за истину? Почему иллюзия становится противоположной разуму и разумному? И как может быть связана иллюзия с социальной действительностью вообще и с революционизированием этой действительности в частности?

Основная часть

На первый взгляд, феномен иллюзии имеет ярко выраженную негативную окраску: иллюзия понимается как видимость, то, что лишает нас ориентиров, внешних или внутренних, искажает представления о реально существующем объекте, является «искаженным восприятием или представлением действительности» [Суворов, www...]. «Иллюзия» может быть антонимом понятия «истина». Иллюзия не является чисто гносеологической категорией, поскольку несет еще и социальные, а также экзистенциальные смыслы. Так «иллюзия» может являться синонимом несбывшихся ожиданий, желаний и мечтаний, заведомо обреченных на провал, но в которых присутствует элемент веры и надежды. Даже в обыденном языке можно часто услышать: «Это всего лишь иллюзия! Пора вернуться в реальность». В таком контексте иллюзия является малозначимой и в целом безобидной формой человеческого миропонимания. Однако в случае укоренения иллюзии в качестве незыблемой задачи или плана действия само это действие рано или поздно становится трагическим. Как только иллюзия разбивается о жестокую реальность, человек или люди ощущают трагизм своей жизненной ситуации. Вместе с тем,

человечество вряд ли когда-нибудь научится жить без иллюзий: людям свойственно ставить хотя бы отчасти иллюзорные цели своей деятельности, и нередко это деятельность первопроходцев. Особенно это касается сложных социальных процессов: как «делать революцию»? Как победить в войне? Как построить справедливое общество? На все эти и им подобные вопросы у человечества нет готовых ответов, нет рецептов, никто не знает, как... В истории нет ничего кроме деятельности преследующего свои цели человека, а цель, как известно, – идеальный результат будущей деятельности. В этой идеальности целей как раз и кроется исток иллюзий.

Если это так, то что есть история человечества, как не постоянное стремление сначала найти или создать «свою» иллюзию, а затем выйти «без потерь» за ее пределы, использовать сам размах иллюзии для построения пусть не идеальной, но все же прогрессивной, перспективной реальности? Одной из таких иллюзий является, на наш взгляд, идея христианского Бога. Она представляет собой сложный и полифоничный религиозный, антропологический, экзистенциальный и достаточно динамичный мировоззренческий комплекс. Безусловно, этот комплекс содержит и содержал на всех этапах своего развития некоторый набор иллюзорных представлений. Иногда эти представления даже противоречили друг другу. Одной из таких внутренне противоречивых иллюзий комплекса идеи Бога была иллюзия возможности/невозможности свободы человеческой целеполагающей и ответственной деятельности.

Так, например, французские материалисты (Дидро, Гельвеций, Ламетри) критиковали идею Бога за то, что он мыслился в качестве центрального элемента мироздания, замыкал на себе все процессы и явления, лишая человека возможности и способности свободно и самостоятельно развиваться и действовать в мире в соответствии с собственными целями и интересами. Пагубное влияние подобной позиции, по мысли французских просветителей, особенно остро проявилось в том, что человек был вынужден существовать в рамках, определяемых церковью. Несомненно, идея христианского Бога не могла иметь такого колоссального значения без существования социального института (церкви), способного представлять данную позицию в узаконенной форме, а также служить ее поддержанию и распространению. Возможность свободы действий так или иначе всегда была ограничена концепцией христианского Бога. Человек рассматривался лишь как результат творения и веления Бога, как зависимое от воли создателя существо. Французские материалисты пытались отойти от диктата церкви дабы освободить ту силу действия, которая по их мысли была заключена в человеке.

Однако будет несправедливо не отметить тот факт, что идея христианского Бога имела колоссальное значение для истории человечества. Человек под знаком веры в Бога совершал подвиги, самосовершенствовался, создавал прекрасные произведения искусства. Под знаком веры в Бога нововременный европеец парадоксальным образом сформировал новое отношение к труду. Если в традиционном обществе труд обычно мыслился как божественное проклятие, наказание (что, заметим, также было аспектом и проявлением идеи христианского Бога), то позже под влиянием протестантской этики, осмысленной М. Вебером, та же идея Бога радикально трансформировалась: «После веков отношения к труду как к проклятию и божьему наказанию на подъеме раннего капитализма начинает формироваться другое понимание значения труда в жизни человека (пусть пока в горизонте служения), а за этим следует и осознание его неотъемлемой от природы человека и непреходящей ценности» [Терещенко, Шатунова, 2016, с. 1186].

Таким образом, один и тот же комплекс идей, который мы обозначили как идею

христианского Бога, породил две противоположных иллюзии: иллюзию невозможности самостоятельной человеческой деятельности и иллюзию возможности безгранично великих свершений. Человек верующий обнаруживал себя в пространстве между двумя этими иллюзиями и именно в этом пространстве организовывал свою жизнь. Однако главное – не иллюзорность сама по себе, а тот неоспоримый факт, что именно эта иллюзорность способствует развитию человеческого рода: как альпинистский крюк, закинутый вперед, иллюзорная идея оказывается инструментом «подтягивания» человеком самого себя до себя человеческого.

Что заставляет обратиться к мировоззренческому комплексу идеи Бога? Очевидно, это невозможность справиться со всем тем, что превосходит человеческие силы и возможности, что вызывает неимоверный страх или трепет, невысказанный восторг, катарсис, восхищение чем-то возвышенным. Эти эмоции порождают попытку создать образ существа, похожего на человека, но обладающего всеми теми совершенствами, какие невозможны у конкретного представителя человеческого рода (знание, сила, чистая в своем бескорыстии любовь и т.д.). В таком духе размышляет Фейербах в «Сущности христианства»: человек не может обладать совершенствами, которыми хотел бы обладать, создает Бога, который начинает управлять всем тем, что происходит с человеком, тем самым, человек направляет силу, энергию и другое на существо, которое на самом деле порождено человеком и является «усовершенствованным» человеком. Таким образом, происходит подмена ценности человека реального, создавшего Бога, на нереального Бога, тем не менее созданного человеком, но отчужденным от него самого, ставшим силой, противопоставленной собственному создателю. На страницах книги «Сущность христианства» Фейербах пишет: «Бог человека есть его собственная сущность. Поэтому сила предмета есть сила его собственной сущности» [Фейербах, 1995, с. 27]. Именно в результате создания образа всемогущего Бога и в поклонении ему, по мысли Фейербаха, человек стал несвободен, он попал в область иллюзорного, которая стала для него равнозначна реальности.

Для многих религия и Бог не являются предметами спора или критики, а являются спасением и утешением, но именно в этом, по мысли Ф. Ницше, и состоит главная цель иллюзии – избавление от страдания. Ницше в «Веселой науке» переносит фокус внимания с религиозного на эстетическое начало. Он говорит о роли искусства в жизни человека следующее: «Если бы мы не изобрели этот особый культ нереального (т.е. искусство), то мысль о том, что все вокруг ложь и обман, – вывод, к которому подвела нас современная наука, – мысль о том, что безумие и заблуждение являются непременным условием познающего и воспринимающего бытия, – была бы для нас просто невыносимой. Реальный взгляд на действительность не пробудил бы ничего, кроме отвращения, и был бы равносителен самоубийству. Но, к счастью, наша честность сдерживается противоборствующей силой, избавляющей нас от такой участи: эта сила – искусство как добровольная тяга к иллюзии» [Ницше, Веселая наука, 2023, 139]. Таким образом, в этом фрагменте мы можем выделить следующую мысль – искусство становится способом «убегания» от реального. Если продолжать логику Ницше, то выходит, что религия, наука, искусство – это все разновидности иллюзии, но что же тогда может претендовать на статус реального? Возможно, таким реальным может стать само существование человека, людей, истории? Однако люди в своих действиях нередко руководствуются иллюзорными целями и задачами. В таком случае получается, что сама историческая (социальная) реальность обязана своим становлением, функционированием и развитием, в том числе, иллюзии. А это значит, что в человеческой деятельности иллюзия обретает онтологический статус.

Реальное бытие начинает искать своего выхода через иллюзию, которая должна

разрешиться полифоничным аккордом человеческого деяния или творения. Выход за пределы иллюзии сопряжен с самой иллюзией, иными словами, то покрывало, под которым находит себе некое успокоение человек, должно быть отринуто, но без самого покрывала не происходило бы становления мысли, чувства и – главное – действия. Кроме того, если иллюзия необходима для действия, то отринув одну, человек или люди непременно создадут другую. Истина исторического события будет жить в переходе, в пространстве-между двумя, тремя, n+ иллюзиями.

Онтологический характер феномена иллюзии наиболее очевиден на материале искусства, безусловно имеющего с точки зрения неклассической эстетики онтологический статус. М. Хайдеггер пишет, что «в художественном творении истина сущего полагает себя в творении» [Хайдеггер, 2008, 123]. Задолго до Хайдеггера Ницше говорит об онтологическом статусе эстетики, когда утверждает, что «только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности» [Ницше, Рождение трагедии..., 2023, с.75]. Ницше сравнивает искусство с целебными чарами спасающей волшебницы, «оно одно способно обратить вызывающие отвращение мысли об ужасе и нелепости существования в представления, с которыми еще можно жить» [Ницше, Рождение трагедии..., 2023, 87], искусство метафизически дополняет бытие, манит к продолжению жизни [Ницше, Рождение трагедии..., 2023, с. 202]. Спасает грека (человека вообще – А. С.) для жизни, и тем самым спасает жизнь. Искусство, если рассматривать его как разновидность иллюзии, таким образом выводит человека за пределы страдания от несовершенства мироустройства, от отсутствия справедливости и т.д. Искусство, как писал позже Альтюссер, «дает нам нечто, что намекает на реальность» [Альтюссер, 2019, с. 48-49]. Именно «намек», которыми пользуется искусство, позволяют человеку испытывать всю радость жизни, всю полноту бытия. Эрнст Блох отмечает, что «будучи вымыслом и в двойном смысле слова искусностью, искусство заполняет пробелы в конкретных наблюдениях и закругляет действительность правильной и плавной линией» [Чаликова, 1991, с. 67]. Главная онтологическая миссия искусства как дополнения и завершения бытия, манящего к продолжению жизни, невозможна без его иллюзорной, идеальной составляющей. Художественная, эстетическая форма иллюзии ненавязчива, но именно в такой форме иллюзия мягко, но настойчиво побуждает человека к действию, обещая этому действию успех.

Пожалуй, самым активным деянием человека в истории, захватывающим огромные человеческие массы и глубокие пласты реальности, является революция. Это не казус в истории, не случайный сбой «нормального» развития, а необходимый «механизм» движения человечества к новым историческим рубежам. Революция – качественное изменение в состоянии общества, момент его преобразования, перспектива, уход от заикленности и топтания на месте. Помимо глубины, быстроты и основательности перемен в жизни общества, что определяет саму специфику его скачкообразного развития, революция практически всегда направлена в будущее. Ее цель всегда созидание той реальности, которая могла бы быть, но которой нет в данный исторический момент (в этом сходство революции с искусством (а возможно и эстетичность самой революции), которое, согласно Аристотелю, подражает не тому, что есть, а тому, что могло бы быть). Причем речь идет именно о будущем, а не о грядущем. Будущее, возможно, будет, если человек, люди сами его создадут, приблизят, увидят как цель, которую будут преследовать. В отличие от будущего, грядущее приходит само собой, наваливается на человека всей тяжестью, не оставляя пространства для реализации мечты или воплощения надежды, уничтожая порой самые светлые и прекрасные иллюзии. По этой причине революционно действующему человеку (людям) необходимо избежать попадания в грядущее и

построить будущее. Однако никакой торной, гарантированной дороги к этому будущему нет. Этот путь невозможно разметить никакими рассудочными расчетами и рациональными выкладками. В создании образа будущего обязательно должна присутствовать мечта. По большому счету этот образ не может не быть эстетическим, художественным. Однако не все мечты сбываются. Одни станут реальностью, другие канут в никуда. Вот эти последние и составляют содержание революционных иллюзий. Парадокс революционного движения состоит в том, что не могущие сбыться, «розовые» мечты составляют материал избытка, ту самую иллюзорную компоненту революционного сознания, которая, как альпинистский крюк, создает «лишний» замах, заставляющий строить будущее с избытком, с запасом, с перспективой. По сути, это логика Ницше: сверхчеловеком стать нельзя, но по пути можно стать человеком. Это логика солдата, мечтающего стать генералом. Не случайно никогда не было стыдно мечтать никому из революционеров-практиков. Не случайно Герберт Уэллс, выдающийся писатель-фантаст, назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Уэллс писал, что Ленин «по крайней мере видит мир преображенный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов» [Уэллс, 1970, с. 107]. Возможно, это пространство несбываемого (революционных иллюзий) – пространство для неизбежного шага назад, отката, даже частичного отступления, такого, чтобы не вернуться в начальный пункт движения, чтобы было два шага вперед и только один шаг назад. Тогда «оставшийся» шаг вперед обеспечивает, хотя и со всеми возможными рисками, некоторое неуклонное разворачивание революционного движения. Результатом этого шага становится гибель иллюзий, но сам этот шаг возможен только благодаря их исторической работе.

Заключение

Иллюзия – своеобразный гарант сохранения шагов революционного движения вперед в условиях неизбежности частичного попятного движения. Гарант того, чтобы при всех перипетиях и отступлениях в результате революционного действия от всей грандиозности размаха и замысла что-то осталось. Иллюзия в ходе революции должна умереть, и именно ее гибель – условие того, чтобы остаток результата движения стал стартовой площадкой нового шага вперед, обеспеченного, в том числе, и новой иллюзией.

Библиография

1. Альтюссер Л. Об искусстве. М.: V-A-C press, Artguide Editions, 2019. 112 с.
2. Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1976. 622 с.
3. Ницше Ф. Веселая наука. СПб.: Азбука, 2023. 352 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2023. 224 с.
5. Суворов О. В. Иллюзия. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH915ab6674715ec3d784291> (дата обращения: 31.01.2024)
6. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Уроки протестантской этики в условиях посткапитализма // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. №. 4. С. 1185-1195.
7. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Прогресс, 1970. 223 с.
8. Фейербах Л. Сочинения в 2 т. М.: Наука, 1995. 425 с.
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проспект, 2008. 528 с.
10. Чаликова В. А (ред.). Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. М.: Прогресс, 1991. 405 с.

The role of illusion in revolutionary action

Aleksandra B. Savel'eva

Postgraduate,
Assistant at the Department of Philosophy,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: vadim.egoshin@mail.ru

Abstract

This article examines the phenomenon of illusion and its role in revolutionary practice. The author of the article considers illusion as an integral part of a person's worldview. This position is confirmed in the idea of the Christian God, which is analyzed by the author from different angles. The illusory component of the concept of God was of enormous importance for the history of man: it gave the opportunity to act, endowed with faith. The idea of the Christian God literally revolutionized the development of man and all of history. Along with the positive ones, the author also considers the negative aspects of illusion for human life and society. The ontological status of illusion in social dynamics is presented in the article as the idea of the need for redundancy of human goal-setting. Illusion, according to the author, has an aesthetic nature. In this the author sees the attractiveness of illusion in the revolutionary movement. A revolution is always an event based on ideas. Some of the ideas can inspire participants in the revolution to take active action, involve them in the process of struggle, and some of them can lead us further from the intended path. The latter - illusory ideas - constitute an important part of the revolutionary process, because may serve as an explanation for the partial reversal of the revolution.

For citation

Savel'eva A.B. (2024) Rol' illyuzii v revolyutsionnom deistvii [The role of illusion in revolutionary action]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (2A), pp. 40-47.

Keywords

Illusion, Nietzsche, Bloch, God, revolution, Althusser.

References

1. Al'tyusserL.(2019), Ob iskusstve. [About art]. M.:V-A-C press, Artguide Editions Publ.
2. Valeri P. (1976), Ob iskusstve. [About art]. M.: Iskusstvo Publ.
3. Nicshe F. (2023), Veselaya nauka. [Fun Science]. SPb.: Azbuka Publ.
4. Nicshe F. (2023), Rozhdenie tragedii iz duha muzyki. [The birth of tragedy from the spirit of music]. SPb.: Azbuka Publ.
5. Suvorov O. V. Illyuziya. Novaya filosofskaya enciklopediya. [An illusion. The New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH915ab6674715ec3d784291> (accessed 31 January 2024).
6. Tereshchenko N. A., SHatunova T. M. Uroki protestantskojetiki v usloviyah postkapitalizma [Lessons of Protestant ethics in the conditions of post-capitalism]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, 158(4), pp. 1185-1195.
7. Uells G. (1970), Rossiya vo mgle. [Russia in the dark]. M.: Progress Publ.
8. Fejrbah L. (1995), Sochineniya v 2 t. [Works in 2 volumes]. M.: Nauka Publ.

-
9. Hajdegger M. (2008), Istok hudozhestvennogo tvoreniya. [The source of artistic creation.]. M.: Akademicheskij Prospekt Publ.
 10. CHalikova V. A (ed.). (1991) Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhn. [Utopia and utopian thinking: an anthology of foreign literature:]. Moscow: Progress Publ.